

Анна Либерти

Девушка
из книжного
переулка

Пленники белых ночей. Мистический
детектив из Петербурга (Аттикус)

Анна Либерти

Девушка из книжного переулка

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Либерти А.

Девушка из книжного переулка / А. Либерти — «Азбука»,
2026 — (Пленники белых ночей. Мистический детектив из
Петербурга (Аттикус))

ISBN 978-5-389-34633-8

Среди уютных улочек Петербурга Мира нашла своё убежище в книжном магазине. Ей сложно доверять людям, поэтому она предпочитает проводить время в одиночестве, рисуя портреты случайных прохожих. Девушка совсем ничего не знает о своём прошлом. Но всё меняется, когда Мира приходит странный конверт с её именем и стёртым адресом отправителя. Внутри – расплывшееся от влаги письмо, фотографии и необычный кулон. Неужели они как-то связаны с родителями Миры, о которых она мечтала узнать с самого детства? С разгадкой тайны ей пытаются помочь новые знакомые, Никита и Марк. Найдут ли они ответы о прошлом девушки?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34633-8

© Либерти А., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Пролог	8
Глава 1. Мира	10
Глава 2. Незнакомец	14
Глава 3. Странные встречи	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Либерти
Девушка из книжного переулка

Иллюстрация на обложке *Kekovsky*

Иллюстрация на форзаце *Екатерины Жаровой (koryavosti)*

© Либерти Анна, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

«Махаон»[®]

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ СЕМЬЕ
И ВСЕМ, КТО КОГДА-ТО
ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ОДИНОКИМ

Пролог

На улицах Петербурга бушевал ветер, срывая с деревьев сухие листья и бросая их в лица прохожих. Моросил неприятный дождь, оставляя мелкие крапинки, которые с каждой новой каплей всё больше разрастались, делая одежду насквозь мокрой. В воздухе чувствовался запах прелой листвы и сырости. Небо затянуло пеленой облаков, и казалось, что солнце никогда уже не выберется из этого серого плена.

Узкая улица, с двух сторон окружённая нависающими над ней желтоватыми стенами зданий, всё больше наполнялась людьми, спешившими поскорее спрятаться от непогоды в метро. Толпа медленно двигалась по длинным лабиринтам города, извивалась словно змея и покачивалась в едином ритме, подчиняясь невидимому заклинателю.

Неожиданно из-за поворота, сбивая общую мелодию танца, выскочил невысокий мальчишка-подросток. Озираясь по сторонам, будто кого-то высматривая, он быстро шёл по улице навстречу толпе. Наконец его внимание привлекла фигура стоявшей возле фонаря девушки. Несмотря на сильный ветер, который заставлял прохожих плотнее кутаться в плащи, на ней было только лёгкое летнее платье небесно-голубого цвета, отчего её силуэт ярким пятном отражался в ряби воды, покрывавшей улицу. Блики света, играя в дождевых каплях, не позволяли чётко разглядеть черты лица. В руке она сжимала тонкую цепочку, с конца которой, тускло поблёскивая, свисала металлическая подвеска.

Заметив это, мальчишка резко сменил направление. Расталкивая локтями прохожих, он стал медленно пробираться в сторону девушки. Та продолжала стоять неподвижно, обращённая к нему спиной, и всё ближе прижималась выглядывавшими из-под рукавов тонкими предплечьями к фонарному столбу.

– Наконец-то я тебя нашёл! – еле переводя дыхание, проговорил мальчик, стоило ему оказаться около неё. – Идём скорее!

Он резко схватил за запястье обернувшуюся на его голос девушку и, не обращая внимания на её попытки высвободиться, потащил сквозь толпу...

Глава 1. Мира

В маленькой квартире, расположившейся на верхнем этаже старого шестиэтажного дома, было тихо. Через окно в комнату вливался тусклый свет осеннего утра, делая её похожей на декорацию чёрно-белого кино. В неприятной для глаза серой дымке выделялись узкая кровать, стол и шкаф, ошетилившиеся тёмными углами. Пространство еле вмещало в себя все эти предметы интерьера. Казалось, в любой момент комната готова была захлопнуться словно капкан.

Утреннюю тишину нарушил противный, похожий на мышинный писк звук. Прорывая застывший за ночь воздух, он становился всё громче. Заполнял комнату, проникая в самые дальние её углы. В какой-то момент он окреп настолько, что сумел прорвать невидимое глазу полотно дремоты, вынуждая безмятежную ночь уступить место зародившемуся дню.

Мира потянулась к телефону и, проведя пальцем по экрану, выключила будильник. Сонно протирая глаза, она села на кровати и откинула назойливо лезшие в лицо пряди.

– Доброе утро! – с лёгким вздохом проговорила она и, посидев немного в задумчивости, подошла к окну.

На улице ещё никого не было. Только воробьи прыгали вокруг луж, собирались в кучки и делили хлебную корку, весело и суетливо щебеча что-то на своём птичьем языке. Мира открыла окно на проветривание и через щель жадно втянула глоток сырого воздуха. Он отдавал запахом ржавеющего металла кровли и спелой рябины, ярко-красными ягодами мелькающей за окном. Девушка постояла так ещё около минуты, с наслаждением вдыхая аромат осеннего утра, словно стараясь впитать в себя всё его едва различимое многообразие, после чего принялась за привычные дела.

Приняв душ, она поскорее закуталась в махровый халат и прошлёпала босыми ногами на кухню, оставляя за собой вереницу маленьких смешных следов, слегка поблёскивавших в свете лампы. Пузатый яичного цвета чайник с неизменным цветочком на боку лёгкой рукой переместился под кран, а наполнившись водой, был отправлен греться на конфорку. Через несколько секунд рядом с ним появилась кружка с аккуратно намотанной на ручку ниткой от заварочного пакетика.

Закончив приготовления, Мира, правда без особого энтузиазма, заглянула в холодильник. Аккуратно расставленные каждый на своей полке три пластиковых коробочки йогурта, бутылка молока и упаковка яиц в целом вызвали ощущение вполне безбедной жизни. Бывало и хуже.

С минуту постояв, оценивая ассортимент и в уме прикидывая, на сколько дней его можно растянуть, она достала из пачки одно яйцо и поспешно закрыла дверцу, чтобы рука случайно не прихватила чего-нибудь лишнего.

Чайник на плите возмущённо свистел, недоумевая, как о нём могли позабыть. Он обиженно выплюнул металлический носик, обжог Мире пальцы и наконец успокоился. До краёв наполнив кружку и не спеша, по маленькому глоточку отхлёбывая чай, она принялась за приготовление незамысловатого завтрака.

Через четверть часа, покончив с ним, она уже стояла посреди комнаты, натягивая на себя давно потерявший форму рыжий свитер и шерстяную юбку чуть ниже колен. Пару раз проведя расчёской по слегка выющимся светло-каштановым волосам, почти доходившим до плеч, она подошла к зеркалу, чтобы оценить результат. Порой ей даже казалось удивительным, что она до сих пор это делала, потому что в отражении её не ждало ничего нового: всё та же невысокая женская фигура, маленький рот и недоверчивый взгляд крупных карих глаз. Мешковатый свитер и юбка почти не меняли ситуацию. Может, только чуть выигрышнее на фоне потрёпанной одежды выделялась юность её лица.

Тяжёлая металлическая дверь резко и хрипловато вздохнула, когда Мира с силой толкнула её и выскочила во двор. Забавно пощекотав лицо, дунул осенний ветер с мелкими брызгами дождя. Пустовавший ещё в этот час двор-колодец поднимался к небу ровно очерченным квадратом. Она поспешно пересекла внутреннюю территорию, скользнула под аркой, излюбленным местом обитания эха, и оказалась на шумной улице, по которой туда-сюда сновали люди.

Миновав несколько кварталов, Мира завернула в Мучной переулок и, остановившись, отперла бордовую деревянную дверь с окошком из толстого стекла, на котором белой краской была выведена надпись «Книги». Это был маленький книжный магазин, скромно приютившийся на первом этаже жилого дома. Окружённый яркими витринами и другими вывесками, он оставался почти незаметен. Она нажала клавишу выключателя, и комната наполнилась мягким жёлтым светом, исходившим от старых люминесцентных ламп. Пройдя между рядами высоких стеллажей, Мира дошла до конца зала, где у окна удобно расположился стол и старое кресло, обитое изумрудно-зелёной тканью, протёртой в нескольких местах. Она положила на него сумку и, подняв жалюзи, принялась за работу.

Магазин принадлежал даме преклонных лет, жившей в квартире сверху и являвшей собой бледный призрак ушедшей русской интеллигенции. Женщина была настоящим библиофилом и в своё время, путешествуя по Европе, собрала огромную домашнюю библиотеку, наполненную редкими изданиями. После смерти мужа, перебравшись в маленькую квартирку в центре, она загорелась идеей поделиться с миром накопленным сокровищем. Старушка мечтала открыть книжный салон, где любой желающий мог бы взглянуть на книги из её коллекции, историческая ценность которых была несомненно велика. Однако необходимость платить аренду за помещение и другие расходы заставили её ограничиться обычным книжным магазином с отдельными стеллажами, на которых живописно расположились ценные экспонаты.

Правда, и магазин был не совсем обыкновенным. В нём продавалась только лишь классическая литература, так как, по заверениям хозяйки, книги современных авторов представляли собой «одно лишь марианье бумаги». Мире стоило больших усилий уговорить её внести в ассортимент магазина хотя бы несколько романов, не относящихся к «золотой эпохе», но безусловно «снискавших себе громкое имя и положительные оценки критиков». В противном случае их дела обстояли бы и того хуже.

Несмотря на возможность увидеть собственными глазами редкие экземпляры книг, которых уже нигде, кроме частных коллекций, не найти, в магазин редко заходили посетители. Мало кого сейчас интересуют подобные вещи. А из-за отсутствия в ассортименте любовных, азиатских и фантастических романов, пользующихся такой популярностью у нынешней моло-

дёжи, прибыли хватало только на ежемесячные расходы и крошечную зарплату для продавца. Неприметная надпись на двери тоже не способствовала притоку покупателей. Так что большую часть времени Мира проводила в полном одиночестве. Сидела в старом зелёном кресле у окна и... рисовала.

Рисование всегда, сколько она себя помнила, было неотъемлемой частью её жизни. На плече постоянно висела холщовая сумка, растянутая под тяжестью нагруженных туда вещей, а руки украшали сероватые пятна, оставленные грифелем, или разноцветные – от пастели. В любую свободную минуту она пряталась где-нибудь в укромном месте и переносила на бумагу всё то, что видела вокруг.

У неё была мечта – поступить в художественное училище, чтобы в полной мере овладеть искусством, позволяющим достоверно отражать образы, взятые из реальности или созданные её собственным воображением. В этом году Мира уже пробовала сдавать вступительные экзамены, но провалилась. Она обладала талантом, о чём с уверенностью заявили ей члены комиссии, однако этого было недостаточно для того, чтобы пройти строгий отбор. Будучи самоучкой, Мира рисовала так, как чувствовала. Ей не раз говорили, что её работы обладают неповторимой живостью и особенной точностью в деталях. Но вот академическим канонам они всё же мало соответствовали.

Кто-то из членов экзаменационной комиссии посоветовал ей посещать подготовительные курсы. Но откуда ей было взять на них деньги, когда её зарплаты хватало лишь на то, чтобы оплатить жильё, купить продукты и иметь хоть что-то про запас? Да и времени совсем не было: шесть дней в неделю она проводила на работе, а в единственный выходной выбиралась с альбомом куда-нибудь в парк, чтобы набрать в лёгкие побольше свежего воздуха, перед тем как снова закрыться в душном магазине.

Несмотря на провал, Мира чётко решила, что обязательно добьётся своей цели, и прилагала для этого все усилия: по многу часов, не поднимая головы от альбома, снова и снова отрабатывала одни и те же приёмы. Она с удивительной регулярностью навещала библиотеку, старательно выискивая всевозможные учебники, пособия и справочники, так что через некоторое время добродушные женщины за стойкой без всяких вопросов молча находили её карточку, чтобы отметить прочитанные книги и вписать новые.

Больше всего Мире нравилось рисовать лица людей. Ей удавалось очень точно передать индивидуальные черты и отразить самые незначительные детали, присущие каждому отдельному человеку. Поэтому место на кресле у окна казалось самым подходящим. Здесь было удобнее всего зарисовывать спешивших мимо магазина прохожих.

Смахнув пыль с полок и мясистых листьев стоявших на окне растений, Мира села в кресло, достала из сумки пенал, альбом и посмотрела в окно. По улице бродили каждый по своим делам люди. Вот мимо прошла девушка, одетая в модную белую куртку, с сумкой для ноутбука в руках. Её волосы были красиво уложены, а на лицо нанесён яркий макияж. Похоже, она шла на работу или учёбу. Мира внимательно следила за ней, а затем начала легко водить карандашом по бумаге. Через несколько минут со страницы на неё смотрело красивое лицо девушки в обрамлении струящихся по плечам и разметавшихся от ходьбы волос. Оценив получившийся набросок, Мира подправила некоторые штрихи и снова устремила взгляд в толпу.

Неожиданно она остановилась на одном лице. Это был молодой мужчина, на вид не старше двадцати пяти, с немного бледной кожей и ярко очерченной линией скул, которая красиво контрастировала с мягкими волнами светлых волос, ниспадавших у висков. Его цепкие голубые глаза что-то старательно высматривали, в то время как губы упрямо сжимались тонкой струной, лишь в уголке рта изгибаясь лёгкой усмешкой. Пройдя вдоль улицы, незнакомец зашёл за угол и скрылся из виду.

Мира задумчиво сдвинула брови и поёжилась. Почему-то этот человек вызывал у неё неприятные ощущения, заставляющие спину покрываться мелкими мурашками. В его глазах

читалась решительность, из-за которой невольно начинаешь ожидать от человека всего чего угодно.

Покачивая головой, как бы стараясь сбросить с себя эти странные мысли, она принялась старательно точить карандаш, после чего снова взглянула в окно. Каково же было её разочарование, когда Мира заметила, что незнакомец вернулся и, остановившись перед входом в магазин, решительно открыл дверь, звякнув ветряным колокольчиком.

Глава 2. Незнакомец

Мире совсем не хотелось встречать посетителя. Когда незнакомец вошёл, в ней всё ещё теплилась надежда, что он просто ошибся дверью и скоро уйдёт. Она уткнулась в альбом, делая вид, что не видит его.

Но, к её большому сожалению, молодой человек вовсе не собирался уходить, а, направившись к стеллажам, где лежали книги из коллекции, принялся перебирать их, судорожно что-то ища.

Мира тихо сидела, наблюдая за ним из дальнего угла комнаты. Казалось, ей удалось остаться незамеченной, так как посетитель не обращал на неё никакого внимания. Осмотрев одну полку, он перешёл к другой и снова продолжил поиски. Бездействовать дальше Мира не могла, поэтому вздохнула и, встав, медленно направилась к нему.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила она, пряча свою неприязнь под приветливой улыбкой и стараясь не смотреть в его глаза. Что-то в этом человеке настораживало, отчего ладони сами собой напряжённо сжимались.

Незнакомец, услышав её голос, вздрогнул, но попытался скрыть это за нервным движением руки. Положив книгу, которую до этого спешно пролистывал, на полку, он медленно повернулся к девушке.

– Не знал, что здесь есть такая помощница, – сказал он с натянутой улыбкой, и уголки его рта дрогнули, презрительно опустившись.

Мира прекрасно понимала, что он вовсе не рад ей и мечтает, чтобы она поскорее убралась и не мешала ему. Тон незнакомца лишь сильнее укрепил в ней неприязнь, так что робость уступила место раздражению.

– Чем я могу помочь? – настойчиво повторила она всё с той же улыбкой на лице, однако теперь её глаза вызывающе смотрели прямо на посетителя.

Несколько секунд они стояли молча. Смерив её пристальным взглядом, словно оценивая, насколько силен противник, незнакомец сдался:

– Меня интересуют книги начала девятнадцатого века. Есть что-то подходящее?

– Я думаю, у нас есть то, что вы ищете, – спокойно ответила Мира, выдерживая его взгляд, и с улыбкой победителя направилась к дальнему стеллажу.

Неожиданно в голове пронеслась мысль. Ей показалось странным, что такой человек, как он... Мира не смогла бы точно объяснить, что именно во внешнем виде незнакомца вызывало её сомнения. Но его образ никак не вязался с теми ценителями старины, что иногда заглядывали в магазин. А если незнакомец не относился к их числу, то зачем ему понадобилась книга?

Мира привычно лавировала в узких проходах, пробираясь в конец зала, где стоял большой стеллаж с возвышающимися до самого потолка рядами полок. Там, на самой верхней из них, хранились особо ценные экземпляры. Придвинув табурет, она быстро вспорхнула на него, отыскала коробку с римской цифрой девятнадцать и, натянув на руки хлопковые белые перчатки, открыла крышку. В лицо повеяло запахом старой бумаги и благородной ветхости. Медленно перебирая потрескавшиеся, облупившиеся, стёртые от времени корешки, Мира вытащила одно из сочинений, обрамлённое в бордовую, обтянутую тканью обложку. Довольно улыбнувшись, она поспешила обратно в зал.

Незнакомец стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и, заложив руки за спину, наблюдал через окно за будничной жизнью Мучного. Казалось, он простоял так во всё время её отсутствия, но Миру почему-то не оставляло странное чувство, что за ней продолжают наблюдать.

Она аккуратно положила книгу на маленький круглый стол, скромно ютившийся в углу комнаты в компании старомодного бра. Место это, собственно, и предназначалось для посетителей, желавших ознакомиться с выбранными изданиями.

– Надеюсь, это то, что вы искали, – проговорила она, внимательно наблюдая за каждым движением незнакомца и настороженно ожидая, что же будет дальше.

Торопливо натянув на руки подготовленные для него перчатки, молодой человек принялся придирчиво осматривать книгу, однако даже толком не открывая её. Он тщательно проверил переплёт, пригляделся к протёртому краю, на котором образовалась маленькая бахрома ниток, и пролистал несколько страниц.

– Что известно о книге?

– Хозяйка нашла её во Франции. Предположительно, она была вывезена из России в начале двадцатого века. Книга напечатана в типографии Императорского Московского Театра в тысяча восемьсот девятнадцатом году. Куплена, вероятнее всего, у книгопродавца Василия Логинова, – без запинки ответила Мира.

Перед тем как приступить к работе в магазине, ей пришлось в подробностях изучить историю каждого издания, которое входило в коллекцию, поэтому она без труда ответила на заданный вопрос. И тут ей в голову пришла идея.

– Вы слышали о Василии Логинове? – спросила она незнакомца самым невинным тоном, выжидающе глядя на него.

Мира была почти уверена, что этот человек имеет какие-то скрытые мотивы, а потому пытается казаться не тем, кто он есть на самом деле. Но зачем? Именно это ей нужно было узнать. Расчёт был прост. Любой библиофил знал известнейшего продавца книг первой половины девятнадцатого века, которого читали по всей Российской империи.

Незнакомец услышал её вопрос, но в ответ промолчал. Даже не взглянул на неё, продолжая всматриваться в потёртые жёлтые листы, испещрённые мелкими буквами. Мира лишь заметила, как по его лицу скользнула лёгкая улыбка, а затем оно вновь сделалось холодным.

– Сколько стоит книга? – спросил он, не оборачиваясь.

Теперь Мира начала догадываться, что посетитель, скорее всего, является одним из тех перекупщиков, которые ищут в частных коллекциях книги, чтобы в дальнейшем перепродать их и неплохо подзаработать. Потому-то он ей сразу показался подозрительным. С такими, как он, разговор был короткий!

– Эти книги не продаются!

– Мне кажется, в наше время уже всё имеет свою цену и может быть куплено, – сказал он, и его рука сильнее сжала переплёт.

В этот момент Мире показалось, что в его глазах мелькнула какая-то странная грусть, но она в ту же минуту снова скрылась под выбранной маской, так что закравшиеся сомнения вмиг исчезли. Обычная уловка!

– Я так не думаю, – настойчиво произнесла она.

– Дайте мне телефон хозяйки! Я лично с ней переговорю, и, думаю, мы придём к решению, которое устроит нас всех.

Незнакомец стянул с руки перчатку и достал из кармана телефон, видимо намереваясь записать номер.

Да, иногда нужную мысль удавалось донести не с первого раза.

– Эти книги не продаются! – ещё раз повторила Мира, чётко проговаривая каждое слово. – Хозяйка запретила при любых обстоятельствах давать её контакты кому бы то ни было. Коллекция, которую она собрала, предназначена для того, чтобы делиться ею с людьми, которые видят в ней не только материальную ценность!

Мира чувствовала, что ещё немного, и она будет готова собственноручно выставить незнакомца за дверь. Его напыщенность, самоуверенность действовали на неё, как масло на огонь. Сейчас ему удалось разжечь внутри неё настоящее пламя, и она считала своим долгом защитить от подобного обращения то, что было доверено её заботам.

Мужчина лишь усмехнулся в ответ на её гневную речь. Ещё раз взглянув на книгу, он, не сказав больше ни слова, поспешно вышел, оставив Миру с пылающими щеками стоять посреди магазина...

Когда стрелка часов доползла до семи, возвещая об окончании рабочего дня, Мира подняла голову от альбома. Редкие капли дождя стучали в окно, а с улицы доносился монотонный шум машин, то и дело прерываемый нервными сигнальными гудками.

Закрыв на окне жалюзи, она принялась собирать в сумку вещи, в беспорядке разбросанные по столу. Карандаши, скомканные листы с неудавшимися работами, аккуратные стружки после заточки макетным ножом постепенно освобождали пространство. Последним Мира взяла в руки раскрытый альбом. С белоснежной страницы на неё глядело лицо незнакомца, заходившего с утра в магазин.

– Почему-то мне кажется, что это не последняя наша встреча, – с тяжёлым вздохом проговорила она, перед тем как спрятать его на дне холщовой сумки.

Через несколько минут Мира уже шла по улице, освещённой тусклым светом фонарей, стараясь не наступить в лужи, которыми был усеян тротуар. Выйти на свежий воздух после целого дня работы в магазине было настоящим блаженством.

Ей оставалось совсем немного до дома, когда она увидела...

Октябрь 2005 года

На подоконнике сидела маленькая девочка и рисовала на запотевшем стекле. Её тонкий пальчик что-то медленно выводил, оставляя за собой полоску с неровными краями, которые подтекали грязными каплями, портившими весь рисунок. Вокруг бегали и играли другие дети, но она не обращала на них никакого внимания. Снова и снова чередой образов всплывали в её голове события этого дня.

Сегодня забирали Таню. Её новые МАМА и ПАПА пришли, когда детей после завтрака пригласили в общую игровую. Это был не первый их приезд. До этого они уже несколько раз навещали её, принося с собой конфеты и игрушки, часть из которых доставалась и другим воспитанникам детского дома.

Танюша сияла от счастья, пересказывая ребятам все подробности этих встреч, и утопала в завистливых взглядах сверстников, мечтающих поскорее оказаться на её месте. Больше всего этих историй приходилось выслушивать её молчаливой подруге – маленькой кареглазой девочке, вечно державшейся где-то в тени. И она слушала, мысленно борясь с внутренней обидой, порой граничащей с ненавистью.

На этот раз визит новоиспечённых усыновителей был последним. Когда директор детского дома Тамара Васильевна вошла в комнату, мгновенно воцарилась тишина, словно кто-то нажал невидимый выключатель. Все малыши как один устремили взгляды на Таню, торжественно сидевшую всё это время на диване. Нарядное платье заметно выделялось на фоне тусклой казённой одежды, отчего девочка выглядела как маленькая фея, которая вдруг решила спуститься к ним со своего воздушного облака. Удивительно, как сильно она отдалилась от них за те несколько дней, что прошли с момента её удочерения. Дети молчали, и никто не встал, чтобы с ней попрощаться. Мягко обхватив маленькую ручку Тани, женщина потянула её за собой к выходу.

Перед тем как скрыться за дверью, Таня успела обернуться и, встретившись взглядом с подругой, помахала ей рукой. Кареглазая девочка, одиноко забившаяся в углу около дивана, не нашла в себе силы ответить на этот жест. Она медленно проводила её взглядом и отвернулась к стене.

Постепенно в комнате снова начал нарастать детский гомон, словно бы пытаясь поскорее зарастить брешь, выпустившую одного из них в другой мир. Подобные сцены были скорее исключением, да и не всегда заканчивались удачно, но оставляли глубокий след в памяти каждого ребёнка.

Им всегда твердили, что где-то там, за зелёным забором, ограждавшим детдомовский сад, есть люди, которые полюбят их и заберут с собой. Мама и папа в фантазиях воспитанников представляли сказочными героями из книжек. Детское воображение рисовало чудесные картинки, заставляя сердце замирать в трепете перед грядущей встречей. Мама непременно была похожа на принцессу с блестящей короной на голове, в длинном розовом платье со шлейфом. А папа, высокий и сильный, покупал мороженое и подбрасывал высоко-высоко в небо.

В них укрепляли культ обожания, давая наставления, как лучше себя вести в присутствии посетителей. Некоторые из нянечек откровенно подговаривали детей «вешаться» каждому взрослому на шею, жалостливо заглядывая в глаза. А тот факт, что выбирали лишь одного,

объясняли простым: «А я тебе говорила, слушайся старших! Вот теперь жди следующих». И они ждали, жадно сверля глазами каждого, кто попадал в их маленькое ограниченное пространство. До тех пор, пока в них что-то не ломалось...

Девочка сидела, уткнувшись носом в колени, и старательно рассматривала чёрного засохшего паучка, одиноко болтавшегося на своей сетке около плинтуса. Это было очень трудно. Трудно удержаться и не пойти вслед за ними. Она старалась не отводить взгляд и даже не моргать, отчего вскоре перед глазами у неё замелькало с десятков таких же чёрных паучков. Веки сомкнулись. Ей не хватило сил. Малышка медленно повернулась и посмотрела на нянечку. Та спала в кресле, мелодично храпя в тон общему шуму.

Соблазн был слишком велик, чтобы такое маленькое существо смогло его выдержать. Незаметно покинув комнату, девочка в шерстяных носках беззвучно заскользила по паркету. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как ушла директриса. Но когда малышка завернула за угол, ей пришлось снова быстро спрятаться за выступ стены, чтобы остаться незамеченной: Тамара Васильевна как раз открывала дверь приёмной, пропуская вперёд себя Таню.

Стараясь дышать как можно тише и крепко, до побеления цепляясь пальчиками за стену, она терпеливо ждала. Как только они вошли, девочка поспешно, то и дело поскальзываясь, пробралась следом. На её счастье, дверь закрывалась неплотно, поэтому оставалась узенькая щель, через которую можно было незаметно наблюдать за всем, что происходит в комнате. Она опустилась на пол и, прислонившись головой к косяку, замерла.

Внутри ярко освещённой комнаты стояли мужчина и женщина, высокие и красивые. У мужчины была широкая улыбка и добрые лучистые глаза, которые с нежностью смотрели на Таню. Мягкие руки женщины гладили светлую головку обнимающей её за колени девочки. Они называли Таню «дочуркой» и подарили большую куклу с длинными, заплетёнными в две косички волосами.

Маленькая девочка голодным взглядом наблюдала за ними из своего укрытия, чувствуя, как внутри неё разгорается ревность. Её сердечко стучало и рвалось из груди, так, что она обхватила себя ручонками, боясь, что оно сейчас выскочит. Каждый поцелуй, каждое нежное прикосновение, подаренное Тане, словно отражалось на её собственной коже огненным следом, так что через несколько секунд её руки, голова и лицо горели пульсирующими пятнами. По щекам медленно скатывались солёные слёзы, попадая на невидимые глазу раны, отчего делалось лишь больнее. Ей хотелось распахнуть дверь, ведущую в сказочную страну, где тебя любят, и тоже броситься в чьи-то объятия. Чтобы и её назвали «дочуркой». Сама не понимая, что делает, она медленно потянула на себя ручку.

– Мира? Ты здесь откуда? – Голос нянечки, проходившей мимо, заставил девочку вздрогнуть и вернуться обратно в реальность...

Увиденное утром сейчас уже казалось ей каким-то волшебным сном, и чем больше она об этом думала, тем более размытыми становились образы, стирались очертания. Лишь пустующее рядом с ней место на окне и какой-то колючий шарик внутри напоминали о том, что всё это происходило на самом деле.

Когда детей построили в пары и повели ужинать, на стекле остался лишь ей одной понятный рисунок, на котором была изображена мечта маленькой Миры.

– Мира, здравствуй! Вот это встреча! Как ты? – широко улыбаясь, спросила подошедшая к ней женщина.

Она была уже немолода, но её округлое лицо дышало здоровьем, впрочем, как и вся фигура, а тёмные густые волосы с редкой проседью, всегда уложенные в аккуратную причёску, украшали голову. В ней чувствовалась деловитость и живость, которые помогали ей не терять лицо перед любыми жизненными ситуациями.

«Это ей Бог сил даёт за заботу о сиротках», – часто шептались нянечки, с завистью провожая взглядами величавую фигуру начальницы, гордо шагающей по детдомовским коридорам.

Мира сдержанно ответила на приветствие и замолчала, от неожиданности не зная, что сказать. Она стояла, мысленно подбирая слова, в то время как женщина принялась за расспросы. Причём делала она это так умело, что уже через несколько минут знала обо всех событиях, произошедших в жизни девушки за последние три года после выпуска.

– Чем занимаешься? Поступила в училище, как и хотела? – наконец прозвучал вопрос, которого Мира боялась больше всего.

Женщина словно подалась вперёд, полноватой рукой мягко коснулась предплечья и, ловко скользнув вниз, заключила её ладонь в свою. По спине у Миры пробежали мурашки, а к горлу подкатил ком.

– Нет, в этом году не приняли. Планирую в следующем поступать, – торопливо высвобождаясь из мягких пальцев, ответила она. – Нашла вот пока работу в книжном магазине.

– Ну, и ничего. Значит, в следующем году поступишь. А работа – это хорошо... – задумчиво произнесла директриса, не обратив внимания на её движение.

Затем наступила пауза, во время которой Мира, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, судорожно старалась придумать хоть какой-то встречный вопрос, чтобы задать ради приличия. Но в голову не лезло ничего, кроме натянутого «А вы как?». Время, кажется, замерло, и даже ветер утих, с интересом ожидая продолжения разговора. Мира уже была готова смириться со своей неспособностью поддержать светскую беседу и собиралась задать вертевшийся на языке вопрос, когда женщина вышла из своего внезапного оцепенения.

– Знаешь, я сейчас кое-что вспомнила... – Она сосредоточенно взглянула на Миру. – У меня же для тебя письмо лежит!

Последние слова она произнесла неожиданно громко, при этом размашисто хлопнув себя полной рукой по бедру. Движение, да и смена тона получились такими резкими, что Мира, погружённая в собственные размышления, от неожиданности вздрогнула, подавшись на полшага назад. В голове тут же завертелись мысли, выстраиваясь в причудливые комбинации, среди которых, словно подсвеченный разноцветными огоньками, мигал вопрос: «Для меня?»

Мира даже не заметила, как задала его вслух, и осознала это, лишь когда директриса уже вовсю ей объясняла:

– Да, на нём твоё имя написано. Правда, там больше ничего не разобрать, подписи все расплылись. Я его в почтовом ящике нашла, как из отпуска вернулась. Туда ж никто не заглядывал, а видать, дождь был. Вот всё и размокло. Но ты всё равно зайди ко мне, заberi. Сможешь?

– Хорошо, я приду, – запинаясь, выдавила из себя Мира, в то время как её пальцы нервно теребили торчавшую из свитера нитку.

Женщина попыталась продолжить разговор, делясь последними новостями и жалуясь то на бумажную волокиту, то на постоянные проблемы с финансированием. Однако Мира уже её не слушала. Только молча стояла, иногда невпопад кивая головой. Директрисе довольно быстро наскучило разговаривать с самой собой, так что она ещё раз напоследок потрепала её за руку и попрощалась, оставив Миру наедине со своими мыслями.

Кто мог отправить это письмо? Да ещё и на адрес детского дома?

У Миры не было никого, кто бы интересовался ею, беспокоился или уж тем более посылал письма. Кто их вообще сейчас пишет? Она в самом деле была совершенно одна. Её прошлое состояло лишь из клеённой люльки и маленького клочка бумаги. На нём предусмотрительно

написали имя, перед тем как в один августовский день подкинуть ребёнка к стенам детского дома.

«Принесённый ангелами», «Ребёнок аистов» – в интернате избегали такого простого и понятного всем названия, как «подкидыш», хотя дети между собой чаще использовали именно его. Дети ведь не терпят ложь. А все те поэтичные названия, которые придумывали взрослые, моментально разбивались на болезненные осколки, стоило лишь задуматься о том, как выглядели эти «ангелы» и «аисты».

Мира тоже часто об этом думала. Она пыталась нарисовать в своей голове образ человека, который принял это решение, определившее всю её жизнь. Была это женщина или мужчина? Как она или он выглядели? Испытывал ли этот человек когда-нибудь любовь к маленькому свёртку, который оставлял на пороге? Мира задавала себе эти вопросы, каждый раз снова и снова осознавая, что никогда не сможет узнать правду.

Со временем она поняла, что будет намного проще просто вычеркнуть этот факт из своей жизни, стереть из памяти, создав для всех окружающих короткую легенду, состоящую всего лишь из одного слова: «умерли». Чаще всего этого хватало, чтобы избавиться в будущем от любых разговоров на эту тему – о смерти никто не любит говорить. Намного проще придумать себе прошлое, чем сознаться в том, что его у тебя нет.

Глава 3. Странные встречи

Мира почти всю ночь провела без сна, с тревогой думая о предстоящей встрече. Она толком не понимала, из-за чего беспокоится. Ведь, скорее всего, это письмо либо какая-то ошибка, либо... Она боялась признаться себе в том, что допускала подобные мысли.

Не было и дня, когда она бы не вспоминала о том, что в её жизни существует дыра, которую ничем невозможно закрыть. Тёмное пятнышко, совершенно незаметное на первый взгляд, но о котором она всё же знала, как бы ни старалась себя обмануть. Постоянные мысли о прошлом стали её проклятием. Даже спустя много лет она продолжала вздрагивать, стоило ей где-то в толпе услышать своё имя. Мира надеялась, что, повернувшись, увидит перед собой лицо со смутно знакомыми очертаниями. Она не была уверена, что сможет простить предательство, но понимала: знай она хоть что-то о своих родителях, ей было бы легче.

Когда Мира открыла глаза, солнце только-только начало выглядывать из-за соседних домов. Снова уснуть она не надеялась, поэтому, немного повалявшись в кровати, встала и начала собираться. Ранний подъём пришёлся даже кстати. Идея прогуляться пешком нравилась ей намного больше, чем ехать в переполненном трамвае.

Выходя из ванной и на ходу теребя мокрые волосы полотенцем, Мира заметила, как солнечный луч, пробившийся сквозь пелену облаков, скользнул через окно на стену, медленно прополз вниз и, наконец, угас.

Что она узнает сегодня из письма? Тревожная мысль промелькнула в голове, и внутри что-то сжалось...

Хотя небо затянули тучи, погода была достаточно тёплой и вполне располагала к прогулке. Порывшись в шкафу, Мира достала с верхней полки аккуратно сложенный чехол и растегнула молнию. Внутри было платье из нежно-голубой струящейся ткани, красиво ложившейся крупными складками. Это был лучший наряд в её скромном гардеробе, так что надевала она его лишь по особым случаям. Отрезной фасон выигрышно подчёркивал её стройную фигуру, а цвет хорошо сочетался со светло-каштановыми волосами. Поверх она накинула тёплую вязаную кофту и, подхватив сумку с альбомом, вышла из квартиры.

Мира шла по знакомому до боли коридору детского дома, чьи стены бережно хранили в себе все радости и горести своих воспитанников. Были безмолвными свидетелями сотен маленьких жизней. Только научившись ходить, малыши опирались на них ручками, а когда

превращались в дошколят, весело толкали их во время игр. В них находили опору школьники, выгнанные с уроков за непристойное поведение. Около этих стен происходили первые признания в любви. Им были открыты все тайны, обиды и мечты. Её мечты они, возможно, тоже помнили.

Оказавшись перед кабинетом директора, Мира остановилась в нерешительности. Детское, давно забытое ощущение трепета снова возродилось в ней, принося с собой воспоминания тех дней, когда она так же стояла перед этой дверью, готовясь встретиться с неизвестностью. Что, если это письмо, так неожиданно появившееся в её жизни, вновь запустит цепочку догадок и надежд, которыми на протяжении многих лет жила маленькая Мира и которые в итоге принесли лишь разочарования? Ведь можно просто уйти, оставить всё как есть, не впуская ничего, что может разрушить хрупкий покой, с трудом созданный ею за последние три года. Казалось, верное решение было совсем рядом – нужно лишь пройти по коридору, миновать лестницу и нырнуть обратно в осень. Но вместо этого Мира упрямо сжала ладонь в кулак и, постучав, вошла внутрь.

– О, Мирочка, здравствуй! – радостно встретила её Тамара Васильевна.

Она что-то печатала на компьютере, когда вошла Мира, и теперь при виде неё начала судорожно перебирать горы бумаг, возвышающихся по обеим сторонам стола.

– Ты уже повидалась с остальными?

– Нет, я первым делом к вам зашла, – ответила Мира, с волнением наблюдая за её поисками.

– Ой, понимаю, – с интонацией сведущего человека ответила женщина, кивая головой.

Её руки, казалось, жили сами по себе, потому что их активная работа ничуть не мешала ей в процессе успеть рассказать Мире обо всех событиях, произошедших утром. Когда же она начала перечислять всех воспитанников, наотрез отказавшихся сегодня есть на завтрак манную кашу, письмо, наконец, было найдено и вызволено из бумажного плена.

– Вот, смотри! – Она разглаживала сморщенную бумагу и причитала: – Только имя и можно прочесть: под скотчем буквы не расплылись.

Тамара Васильевна протянула потрёпанный, с размазанными чернилами конверт Мире, которая стояла в нерешительности, словно не зная, что с ним делать.

– Если хочешь, можем открыть его вместе, – заботливо предложила женщина.

Очнувшись от оцепенения, Мира поспешила отказаться. Ей не хотелось вскрывать письмо при свидетелях. Кончиками пальцев схватившись за уголки конверта, она взяла его из рук женщины и, неловко попрощавшись, тут же выскользнула из комнаты.

Выйдя за калитку, она медленно побрела вглубь парка, примыкавшего к территории детского дома. Свернула на боковую дорожку и опустилась на скамейку, спрятанную от посторонних глаз за могучими стволами деревьев. В эту часть редко кто заходил, поэтому можно было не бояться, что её потревожат. Только сейчас ей выдалась возможность лучше рассмотреть конверт. Он действительно выглядел не лучшим образом. Бумага, местами перепачканная расплывшимися чернилами, шелушилась и оставляла на руках мелкие частички. Смазанные надписи то и дело перерезали заломы, не оставляя никакой надежды на прочтение. Только в самом низу, под узкой полоской скотча, размашистым почерком было выведено её имя. Бока конверта немного выпирали – настолько туго он был набит.

Что же там внутри?

Помедлив немного и собираясь с духом, Мира тяжело вздохнула, стараясь сбросить с себя волнение. Её пальцы дрожали. Дыхание прерывалось, а закусенная губа налилась кровью.

Открыв конверт, Мира заглянула внутрь. Он был наполнен аккуратно сложенными листами, встретившими её толстыми сгибами. Она попыталась достать их, и к её ногам, блеснув под лучами выглянувшего солнца, упал какой-то небольшой предмет. Мира нагнулась и подняла вещь. Это был металлический кулон с длинной цепочкой. На вид украшение не

казалось старым, однако на потемневшем металле тут и там виднелись отметины и небольшие царапины. Казалось, его часто роняли или обо что-то ударяли.

Сам кулон представлял собой металлическое кольцо, в центре которого было помещено дерево, сделанное из того же материала и оплетавшее корнями всё свободное пространство. Они соединялись, создавая извилистые ходы, похожие на лабиринт. На стволе в специальном углублении крепился маленький тёмно-синий камень овальной формы.

Мира пристально разглядывала украшение, в недоумении размышляя, что всё это могло значить. Вспомнив про оставленный на скамейке конверт, она судорожно взяла его и вынула листы.

Хватило лишь одного взгляда, чтобы её глаза наполнились слезами. Они медленно скатывались с ресниц, падая и оставляя мокрые следы на перепачканных чернилами страницах. Письма пострадали от влаги не меньше, чем конверт, так что нельзя было разобрать ни одной строчки.

Мира не могла сдержать слёз, и они продолжали медленно катиться по щекам, вынося с собой сидящую внутри боль. Ей вполне было достаточно тех вопросов, с которыми она была вынуждена жить всё это время, постоянно пытаясь не думать, спрятать их глубоко внутри. Так, чтобы каждый вечер не вспоминать и не мучиться из-за своей глупой, из ниоткуда взявшейся идеи узнать хоть что-то о своём прошлом. Теперь к этим вопросам добавились ещё и этот конверт, кулон и листы... Мира держала их в руках и не знала, что делать дальше. Она снова и снова перебирала страницы, но ни на одной из них не было сохранившегося текста. Адреса тоже. Со злостью сжав листки, она посмотрела на стоявшую рядом урну. Что, если просто всё забыть?

Мира не знала точно, сколько времени прошло. Слёзы давно закончились, и теперь внутри осталась лишь гнетущая пустота. Она чувствовала себя совершенно разбитой, не хотелось даже двигаться. Погода менялась, и порывы ветра с каждым разом становились всё сильнее. А она продолжала сидеть с неподвижным взглядом покрасневших от слёз глаз.

Но вот, неожиданно вздрогнув, она резко поднялась, словно что-то вспомнила, и быстрым шагом направилась по тропинке к выходу из парка, а затем вдоль по пустынной улице. В магазине выходной, так что можно никуда не спешить. Мира без всякой цели бродила по городу в надежде хоть немного сбросить с себя гнетущее состояние. Не обращая внимания на сильный ветер и моросивший дождь, она медленно шла, крепко сжимая в ладони цепочку с кулоном...

Мира очнулась, только когда улица стала заполняться людьми, спешившими скорее домой после работы. Их становилось всё больше и больше, и вот она уже оказалась в самом центре потока. Дождь заметно усилился, и теперь его прикосновения яснее ощущались на коже. Мира замешкалась, и кто-то из прохожих чуть не наскочил на неё. Поёжившись, она с трудом выбралась из толпы и подошла к включённому уличному фонарю. Сердце отчего-то быстро билось в груди, и ей на мгновение стало страшно. Она стояла в одном лишь платье, кофту и сумку со всеми вещами она забыла на скамейке в парке. Улица была ей совершенно незнакома, и Мира понятия не имела, в какую сторону нужно идти. Телефон с навигатором и приложением для вызова такси остался вместе с остальными вещами.

Попытки остановить кого-то из прохожих оказались бесполезными. Люди пробежали мимо, не успевая даже расслышать её просьбу. В большом городе порой трудно бывает различить голоса друг друга.

Мира снова отошла к краю тротуара и остановилась в стороне, раздумывая, что делать дальше. Вдруг она почувствовала холодное прикосновение, от которого по спине пробежали мурашки. Кто-то схватил её за руку. Она в растерянности обернулась, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но не успела – тот уже с силой тащил её за собой сквозь толпу.

Не понимая, что происходит, Мира невольно сделала несколько шагов за невысокой фигурой, и через мгновение они резко свернули за угол. Движение здесь было менее оживлённое, и ей наконец-то удалось вырвать руку и остановиться. Пальцы, ещё ощущавшие на себе недавнее прикосновение, дрожали так, что пришлось сжать их в кулак.

Незнакомец обернулся, оказавшись мальчиком-подростком лет двенадцати, который удивлённо смотрел на Миру широко открытыми серыми глазами. Соломенного цвета волосы торчали в разные стороны, а редкие веснушки, рассыпанные по носу и щекам, придавали ему слишком безобидный вид.

– Ну что ещё? Мы и так еле тебя нашли! Чего тормозишь? – обиженным тоном спросил он.

– Постой, ты меня, видимо, с кем-то перепутал. Мы незнакомы, и меня никто не... – начала было объяснять Мира, стараясь говорить так, чтобы голос не дрожал, но не успела закончить. Мальчик быстро перебил её, снова пытаясь схватить за руку:

– Ну идём же скорее! Конечно, мы ещё не знакомы! Тебя ждёт Никита. А вот и он!

Парнишка с улыбкой глянул ей за спину. Мира обернулась и увидела молодого человека – именно его, по-видимому, звали Никитой, – который быстро направлялся напрямик к ним. На вид он был примерно одного с ней возраста, разве что почти на голову выше.

– Сёмка, вот ты где! Куда снова убежал? Мне теперь ещё и тебя искать? – проговорил он с укором в голосе, но при этом без всякого раздражения глядя на мальчика. – Кто это с тобой?

– Вот! Я её нашёл! – гордо ответил ему парнишка, расплываясь в широкой улыбке.

– Кого?

Никита удивлённо переводил взгляд то на Миру, то на него.

– Мы ведь её искали... Нику, – уже не так уверенно прозвучал ответ, и улыбка сошла с лица мальчика.

– Я её впервые вижу, – в недоумении проговорил Никита, снова посмотрев на девушку.

Во время этого разговора Мира стояла, явно чувствуя себя лишней. Видимо, сегодня ей выпал действительно неудачный день. Сначала письмо, оставленные вещи, незнакомая улица, а теперь её перепутали с какой-то Никой. Она почувствовала такую жалость к себе, что была готова снова заплакать. Но даже тут ничего не получилось, потому что именно в этот момент Мира заметила на себе вопросительный взгляд Никиты и поняла, что в собственных размышлениях явно потеряла нить разговора. Нужно было попытаться сказать что-то вразумительное.

– Похоже... произошла ошибка и... вы меня с кем-то спутали, – попыталась она хоть что-то объяснить.

– Но её кул... – начал было Сёмка, но резко замолчал, словно кто-то его остановил.

– Прости, он, видимо, обознался, – тут же сказал Никита, странно поглядывая на мальчика.

– Ясно.

Мира стояла, теребя голубую ткань юбки, и не знала, куда деть руки в отсутствие сумки. Казалось, ситуация прояснилась, поэтому можно было расходиться, но никто не двинулся с места.

– Как насчёт чашки кофе в качестве извинений? – прервал молчание Никита, приветливо глядя на неё.

В его взгляде было что-то, что моментально, где-то на уровне подсознания вызывало доверие. Похоже, он относился к тому типу людей, которые с самого начала заручаются поддержкой и симпатией окружающих. Но Мира давно научилась отказывать и им.

– Нет, не нужно. Всё в порядке, – немного сухо проговорила она, уже намереваясь уйти, но вспомнила о забытых вещах. – Прости, можешь подсказать, как пройти к Грибоедовскому? Плохо знаю этот район.

– Тут идти минут двадцать, если быстро. Можно, конечно, на метро...

– Нет, мне лучше пешком.

О поездке в метро сейчас не могло идти и речи. У Миры и так хватило на сегодня переживаний, так что даже несколько минут, проведённых в переполненном вагоне, было бы достаточно, чтобы вытянуть из неё оставшиеся силы.

– Понял. Тогда... Давай я лучше тебя сам провожу? Мне всё равно идти в ту сторону, – подумав, предложил он. – Иначе точно заблудишься во дворах и время потеряешь.

Миру совсем не радовала идея прогулки в компании незнакомого человека, но сейчас у неё, похоже, не оставалось выбора. Либо искать дорогу самостоятельно, приставая к прохожим и рискуя окончательно замёрзнуть, либо довериться этому услужливому парню в надежде, что его намерения чисты.

– Спасибо!

Мира рассчитывала, что они пойдут все вместе, но, как оказалось, с ней остался только Никита. Сёмка же с какими-то наставлениями был отправлен домой. Ей всё меньше нравилась эта затея...

– Идём, – наконец повернувшись, с улыбкой проговорил Никита и зашагал, держась немного впереди.

Большую часть пути они шли молча, на приличном расстоянии друг от друга, и со стороны можно было подумать, что они незнакомы. Казалось, он был слишком сосредоточен на своих мыслях. Даже когда Мира начала немного подрагивать от холода, Никита не обратил на это внимания и, к счастью, не стал предлагать ей свою куртку. Но было и кое-что странное. Несколько раз он бросал слишком пристальные взгляды на кулон. Однако стоило ей это заметить, как Никита тут же отворачивался.

«Почему он так смотрит на кулон? Хочет украсть? А что, если он неслучайно предложил помощь? Так, нет, Мира, успокойся! Он просто проводит тебя до парка. Вы разойдётесь и больше никогда не увидите», – попыталась успокоить свою разбушевавшуюся фантазию Мира и на всякий случай незаметно спрятала кулон в ладони.

– Кстати, я забыл назвать своё имя. Меня зовут Никита, – вдруг сказал он и посмотрел на неё, ожидая ответа.

– Мира, – поборов неловкость и внутреннюю тревогу, еле слышно произнесла она.

Больше он ничего не спрашивал. Шли в тишине, слушая, как под ногами проскальзывает мокрая от дождя листва и редко капает с водосточных труб.

Когда они подошли к входу в парк, Мира остановилась и, повернувшись, посмотрела на Никиту. Он замер всего в метре от неё, так что ей пришлось незаметно отодвинуться ближе к ограде.

– Спасибо, что проводил.

– Да не за что. Мне не трудно, всё равно по пути, – ответил он, подбирая слова и будто что-то придумывая на ходу. – Слушай, а ты уверена, что хочешь гулять по парку в такую погоду?

На последних словах он улыбнулся, и Мира заметила, как засмеялись лучики-морщинки в уголках его тёмно-карих глаз. В его взгляде не было ничего отталкивающего, скорее даже наоборот.

– Нет... Я... просто забыла здесь на скамейке свои вещи. Мне нужно их забрать, – смущённо ответила Мира.

– Ясно... Ты недалеко живёшь?

– Да, – соврала она, чувствуя, как к щекам предательски подступает краска.

Приходилось надеяться лишь на то, что они и так были достаточно покрасневшими от холода, чтобы её смущение осталось незаметно для Никиты. Она чувствовала, к чему идёт их разговор, и, будь её воля, в ту же секунду прекратила бы его. Но ноги не слушались, а в голове царил водоворот из мыслей, суть которых постоянно ускользала, оставляя лишь ощущение какого-то раздражения и тревоги.

– Не против через парк вместе пройти? Мне всё ещё по пути, – спросил он мягким голосом и посмотрел на неё, ожидая решения. – Если ты не хочешь, просто скажи. Я не буду настаивать, – прервал Никита её раздумья.

Самые неприятные опасения Миры сбывались одно за другим. Теперь ей предстояло найти способ побыстрее отвязаться от настойчивого попутчика. Но, как назло, язык её не слушался, а все путные слова улетучились вместе с теплом. По обнажённым рукам, выглядывавшим из-под коротких рукавов платья, пробегали мурашки, и чувство беспомощности всё отчётливее ощущалось в груди. Хотелось просто поскорее добраться до места, укутаться в тёплую колючую ткань кофты и запрыгнуть в первый трамвай, идущий к дому.

Вот! Он сам дал ей возможность отказаться. Теперь она без всякого смущения могла ответить...

– Да нет, – неожиданно для самой себя вслух произнесла Мира.

Позже она так и не могла вспомнить, что имела в виду, когда произнесла то «да нет». Подразумевала ли, что не хочет идти вместе, или просто усталость сделала своё дело и она перестала отдавать себе отчёт в том, что говорит. В любом случае это было уже не так важно, потому что, шагая по парку и внутренне ругая себя, Мира видела, как рядом с её тенью по усыпанному листьями асфальту медленно скользила тень Никиты.

За оградой ветер уже так не бушевал, сдерживаемый высокой стеной деревьев. Мокрые дорожки блестели в свете фонарей, и в мелких лужах отражались полуголые кроны деревьев. Здесь, вдали от шума ревущих машин и людских голосов, было невероятно спокойно. Казалось, что, попадая сюда, ты переносишься в иной мир, где главенствуют великаны-деревья, которые гостеприимно позволяют людям укрываться под куполом, созданным их ветвями.

Мира вдохнула влажный осенний воздух. Тяжёлое чувство, весь день не оставлявшее её, постепенно растаяло, а взамен пришло ощущение покоя. Сейчас ей не хотелось думать ни о письме, ни о кулоне. Она чуть не пропустила поворот и лишь в последний момент успела свернуть на нужную тропинку.

– Хорошо, что твои вещи никто не нашёл раньше нас, – сказал Никита, когда они подошли к скамейке. Около его лучившихся улыбкой глаз снова появились маленькие морщинки.

Да как ему удаётся быть таким милым?

Мира промолчала. Подняла кофту, попыталась, насколько возможно, отряхнуть её от влаги и накинула на плечи. Было неприятно и сыро, но всё же стало немного теплее. Потянувшись за сумкой, она не заметила, как та зацепилась за кованый выступ перил. Тканевая ручка дёрнулась, и часть содержимого оказалась на земле. Видимо, день был действительно неудачный.

– Ты рисуешь?

Пока Мира возилась, пытаясь достать закатившиеся под скамейку карандаши, она и думать забыла о Никите. Он вообще за всё время ничем, кроме нескольких коротких фраз, не выдавал своего присутствия. Поэтому внезапно раздавшийся вопрос заставил её резко подняться. Никита держал в руках раскрытый альбом и с интересом разглядывал рисунки.

Похоже, негодование слишком отчётливо читалось на лице Миры, потому что он, подняв глаза, тут же протянул ей альбом.

– Прости, он раскрылся, когда упал. Я ничего дальше этой страницы не смотрел.

Набрав в грудь побольше воздуха, Мира торопливым движением забрала альбом. На развороте она с сожалением обнаружила портрет того самого посетителя, что на днях заходил в магазин.

– Очень красиво. Это твой парень?

Вопросов теперь было не избежать, так что Мира просто решила сдаться.

– Нет. Один из посетителей книжного магазина. Недавно заходил. А я запомнила и нарисовала.

– Книжный магазин?

– Я там работаю. Магазин на Мучном. Там ещё коллекция старинных книг выставлена...

Мира оплатила проезд и тяжело опустилась на самое заднее сиденье у окна. Трамвай ехал полупустым, слегка поскрипывая металлическими колёсами о рельсы. Прислонившись лбом к холодному окну, она напряжённо думала о том, в какой момент допустила ошибку...

Весь оставшийся путь через парк Мира незаметно для себя провела за разговором с Никитой. Они обсуждали магазин и книги, что-то говорили об истории. Она снова и снова прокручивала в голове их диалог, пытаясь вспомнить, что успела наговорить. Имя, место работы... Вроде ничего особенного, но Мира всё равно чувствовала себя как-то странно. Ей было несвойственно заводить случайные знакомства, тем более на улице и при стечении таких странных обстоятельств. Но с Никитой она говорила свободно и легко, не задумываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.